

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины

**Социология на пути к новому качеству —
интеллектуальному глобализму**

(Размышления по поводу двух книг)

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений / Пер. Н.С.Розова, Ю.Б.Вертгейма. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — 1281 с.

Ещенко П.С., Арсеев А.Г. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? — К.: Знання України, 2012. — 479 с.

Бывают книги, в том числе и в области социологии, для осознания которых простого рецензирования недостаточно. Требуется нечто большее, чем обычная рецензия, преследующая, по мнению некоторых, кроме всего прочего, и “благородное в основе своей стремление рецензента превзойти автора, в случае возникновения разногласий, мерой приближения к истине...” [Тавризян, 1990: с. 168].

Размышление, думается, как раз и представляет собой то “нечто большее”, что не требует ни демонстрации превосходства рецензента, ни строгого следования аналитической рефлексии его по сюжетам рассматриваемой книги. Такое размышление способно даже уводить мысль в сторону от тематики и проблематики публикации, не оставляя автору рецензируемого труда оснований жаловаться то ли на некорректность рецензента, что иногда случается, то ли даже на приписывание автору неверно понятых положений, что тоже бывает. Размышление — несколько иной способ движения критической мысли, чем при рецензировании, когда она обязана не отвлекаться и не выходить из контекста выводов автора книги. Получая импульс от прочитанного, размышляющая рефлексия рецензента уходит в вольное плавание раздумий, фантазий, интуитивных догадок, обоснований и т.п., конечно же, в меру приближаясь, в меру отдаляясь от самой книги и взглядов ее автора.

Примерно на такую форму общения с авторами избранных трудов рассчитан данный материал. Специфика его вытекает из того обстоятельства, что книги, буду-

чи посвящены каждая особой тематике, не рассматривают и не анализируют социологию как науку, но, тем не менее, побуждают размышлять о ней именно как о науке. Они не имеют прямой связи между собой, несопоставимы ни тематически, ни методологически и, казалось бы, настолько отдалены одна от другой, что и соприкоснуть их никак нельзя. И все же между ними существует невидимая связь — через их общее отношение к социологии, следовательно, связь, опосредствованная самой социологией. Конечно, книги не в одинаковой мере социологичны, но они свидетельствуют о социологии, ее состоянии. Вот это свидетельствование, да еще сквозь призму глобалистских видений, на мой взгляд, и связывает их интимно между собой.

О чем же конкретно свидетельствуют эти книги? О том, что в социологии идет усиливающийся процесс структурной перестройки, перехода к новым теоретико-методологическим установкам, а в целом — к новому эпистемологическому качеству. Социология постепенно преодолевает себя путем выхода за свои прежде установленные дисциплинарные пределы, границы. Это — сложный, длительный и противоречивый процесс, касающийся прежде всего теоретической социологии. И книги “Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений” и “Куда движется глобальная экономика в XXI веке” показывают, насколько социология вышла за пределы своего вчерашнего состояния, демонстрируя возможности познания тех сторон социального мира, которых ранее у него либо совсем не было, либо приступить к изучению их социология не могла в силу своей научной ограниченности. Эти книги знаменуют собой тягу социологии к интеллектуальному глобализму, претендующему на тотальность, но не путем обобщающего синтеза, а путем эклектического (плюралистического) соединения, складывания и смешивания разнообразного. В итоге должна получиться гигантская “каша” знаний, охватывающих реальность, ранее недоступную для социологии. Это — складывающаяся всепланетарная, глобалистская реальность, несущая в себе иные черты, чем та локальная реальность, которая десятилетиями воспринималась как стабильно одна и та же, весьма привычно узнаваемая в исследовательских практиках социологии.

Как раз в этом когнитивном ресурсе, если рассматривать его с общеметодологической точки зрения, формируется новое качество социологии, становление которого, по-видимому, завершится вследствие решения новейших фундаментальных задач данной науки: принципиального изменения предметной области, подлежащей глобальному научному интересу социологии (следовательно, трансформации ее объекта и предмета); реструктурирования (должен возникнуть мегауровень социологии, поскольку прежний ее макроуровень применительно к глобальности обнаруживает недостаточность своего гносеологического потенциала); кардинального обновления понятийно-терминологического аппарата в направлении конструирования понятий высокого категориального уровня, выражающих рефлексивную способность в социологии в плоскости ее интеллектуального глобализма; обогащения научного интеллекта социологии за счет активизации ее трансдисциплинарных связей и взаимодействий (заимствование у соседних наук знаний о глобальной реальности, методов, методологий и “переваривание” их в котле адаптации к собственным познавательным задачам); наконец, подготовки социолога-специалиста, способного заниматься вопросами социальной и социологической эпистемологии глобальной мир-системы.

Следует заметить, что понятие “качество социологии” еще не разработано ни в данной науке, ни, скажем, в эпистемологии или философии, способных с общеметодологической позиции оценивать достоинства наук, их место и роль в системах познавательного процесса. Тем не менее, кажется, можно предложить его дефиницию, представив качество социологии как ее универсальную определенность. В этой плоскости качество социологии составляет такую фундаментальную характеристику, которая, с одной стороны, обозначает итог интеграции познавательно-исследовательских свойств, способностей и возможностей социологии, а с другой — общее

состояние социологии как особой науки на том или ином этапе ее развития, в частности ее дисциплинарный формат, эпистемологическую природу и уровень научного интеллекта.

Дисциплинарный формат — это общая форма (версия), в которой выступает социология как самостоятельная наука в тот или иной исторический момент, это, говоря фигурально, ее “лицо” среди других наук. Возьмем, к примеру, социологию, создателями которой были такие первосоциологи, как О.Конт и Г.Спенсер. Она существовала в позитивистском формате, опираясь на общенаучные принципы познания. Параллельно появилась социология К.Маркса, Ф.Энгельса — несколько иной формат, а далее версии социологии пошли, так сказать, косяком: понимающая социология, феноменологическая социология, структуралистская социология и др. Они указывают на то, что развитая, многокачественная и многосторонняя социология может существовать в виде множества дисциплинарных форматов.

Эпистемологическая природа социологии — характеристика ее когнитивной способности, зависящей от применяемых методологий, исследовательско-познавательных технологий, конкретных методов и процедур понятийного аппарата. Скажем, та же социология Маркса, исповедовавшая методологию и познавательные технологии диалектического материализма, не совпадала по своей гносеологической природе с позитивистской социологией, хотя имела точки соприкосновения с ней. У нее не только свой главный метод, но и понятийно-категориальный арсенал. Если же рассмотреть гносеологическую природу, например, социологии функционалистского формата, то обнаружится опорная ее методология взаимоотношений целого (системы) и его элементов (частей), то есть в конечном счете методология социального порядка. Отсюда вытекает фундаментальная роль основной категории для социологии данного типа — “социальный порядок”. А если обратить внимание на феноменологическую версию социологии, то станет очевидной субъективность ее методологии, так что вывод напрашивается сам собой: по своей эпистемологической природе эта социология настолько уникальна, что несопоставима с остальными социологиями. Словом, эпистемологическая природа социологии как науки разнится, и это означает, что ни способы получения социологического знания, ни само знание нельзя рассматривать в едином ключе, в контексте одного и того же качества социологии.

Научный интеллект социологии — функциональное соединение разума, здравого смысла (рассудка), воображения и интуиции (разумеется, в головах социологов), обеспечивающее в единстве рефлексии и саморефлексии производство социологией идей, построение картин социального мира, понимание этого мира и самой себя. Интеллект — центр, ядро социологического сознания, без которого последнее никогда не стало бы профессиональным сознанием, а социология не обладала бы такими общими путями познания, как рефлексия и саморефлексия. Первый путь — посредством рефлексии — означает направленность социологического сознания на объект, социальную реальность, открытие, познание ее свойств и понимание реальности в свете этих свойств. Второй путь предполагает направленность социологического сознания на саму социологию, концептуальное понимание ею самой себя и сквозь эту призму — понимание (видение) социальной реальности. Нечего и говорить, что если социология концептуально осознает себя исключительно в позитивистском варианте, то и явления социальной жизни она видит изоморфными себе, то есть тоже в позитивистском “оформлении” их свойств и функций. Несомненно, постструктуралистская социология искривляет видение социальной реальности в такой же мере, в какой она искривляет понимание самой себя. Реальность оказывается превращенной в символы, коды, знаки, симулякры и т.д., потому что сама социология в этой версии кодируется, становится знаком и симулякром науки.

Таким образом, возникновение нового качества социологии покоится на фундаментальных предпосылках — кардинальных изменениях в области ее дисципли-

нарного формата, эпистемологической природы и научного интеллекта. Толчок этим изменениям дала глобализация, на вызовы которой социология вынуждена реагировать таким образом, чтобы и сама могла глобализироваться, иначе она не сможет изучать явления и процессы данного класса. Так формируется ветвь глобальной социологии, которая напрямую выражает становление нового качества всей социологии как научной дисциплины.

Разумеется, чтобы иметь более-менее полное представление об означенных изменениях и формировании нового качества социологии, следовало бы описать все это, что, однако, не входит здесь в мои намерения. Важно только отметить, что эпистемологическое качество социологии всегда в динамике. Можно даже выделять этапы его развития или содержательные типы. К примеру, один вид — качество классической социологии, которая не имела даже специалистов в своей области (вряд ли того же О.Конта, К.Маркса или Г.Спенсера можно признать специалистами-социологами), другой, контрастный ему вид — качество постнеклассической социологии. Если описывать их когнитивную специфику, то, по-видимому, это описание охватит широкие наборы характеристик.

Далее предстоит сосредоточиться на изменениях (уже происходящих, а также предполагаемых) в системе социологического мышления и в его ядре — научном интеллекте. Изменения здесь обусловлены влиянием не только глобализации, но и развития теоретической социологии в XX веке, когда была реализована обширная интегральная тенденция, выводящая интеллект социологии на предельные рубежи ее макроуровневой организации и открывшая путь социологии к мегауровню. Российский историк и теоретик социологии Ю.Давыдов, говоря об особенностях эволюции теоретической социологии XX века, назвал те из них, которые, на мой взгляд, не могли не детерминировать именно этот вектор движения социологической науки. Это, в частности, борьба реализма и номинализма, кризисного и стабилизационного сознания, общих (интегративно ориентированных) и частных (дифференцированно ориентированных) концепций и теорий, актуализация “старых” теорий (“ренессансы” — марксистский, веберовский, дюркгеймовский, зиммелевский и др.) как способ выхода социологии из общетеоретического кризиса, синтез истории и теории социологии, наконец, деятельность теоретиков и школ, создавших крупные системы социологических знаний (П.Сорокин, Т.Парсонс, Р.Мертон, Ю.Хабермас, Э.Гидденс, Дж.Александер, П.Штомпка и др., школа неомарксизма) [Давыдов, 1995]. Надо сказать, что достоянием XX века была также советская социология, погибшая в 90-е годы.

На базе этих изменений и метаморфоз научный интеллект социологии приобрел эпистемологическую мощь, способность широкого охвата проблематики, проницательность, глубину теоретического видения, интерес к глобальным вопросам социального мира и фундаментальным аспектам самой социологии. Социологическое же мышление начало активно проникать в сферы мышления других наук, подвергая его собственной рефлексии, обогащаясь его достижениями, определенным образом трансформируя их. Ярким выражением этого процесса стала книга “Социология философий” Рэндалла Коллинза, освоение которой социологами, как справедливо подчеркнул Н.Розов, еще предстоит. Она свидетельствует о выходе теоретической социологии на рубеж интеллектуального универсализма.

Книга посвящена анализу глобального объекта — умственного развития человечества на протяжении 25 столетий на примере философии, философского мышления. Как раз соединяются история и теория последнего. Книга поражает не только масштабом аналитического охвата философских идей и школ (на 1670 мыслителей, представленных Коллинзом в их “горизонтальных” и “вертикальных” связях), но и глубиной проникновения социологии в лоно философии, а также смелостью прямого втягивания философии в орбиту социологического познавательного интереса.

С появлением такой книги можно, думается, говорить о начале обратной логики взаимоотношений между социологией и философией — их вектор теперь тянется от

социологии к философии, которая, хотя и представляет собой более высокую теоретическую и интеллектуальную реальность, превращается в предмет исследовательского интереса социологии. Если прежде “законодательный” методологический разум философии был направлен на социологию, а философия, так сказать, “собственноручно” конструировала свой научный имидж, то теперь социологический интеллект устремлен на философию, и социология создает свой образ философии. Но для этого ей необходимо либо встать на уровень философского сознания, либо возвыситься над ним.

Ситуация, казалось бы, невероятная, но она может иметь продолжение. Если данная линия развития социологии в сторону интеллектуального глобализма не прервется и настанет черед социологов писать “Социологию историй”, “Социологию политологий”, “Социологию политэкономий”, “Социологию искусств”, “Социологию культур”, “Социологию религий” и т.д., и т.п., то сегодня вряд ли можно предсказать, каким станет интеллект “социологического монстра”. Не подчинит ли он себе все это духовное богатство, превратив его в свой сверхобъект? Во всяком случае, сегодня не скажешь, где будущие социологии будут ставить его, интеллекта, маркерные столбы для обозначения дисциплинарных границ. А между тем некий первый шаг к “социологии историй” был сделан еще в конце XIX века немецким философом и социологом Паулем Бартом (1858–1922), написавшим книгу “Философия истории как социология”, в которой историю представил в виде конкретной социологии [Барт, 2011].

Конечно, движение социологии в этом направлении не будет прямолинейным и гладким, ведь она не может расширять границы своего познания до бесконечности, хотя и неудержимо увеличивает число когнитивных практик. Как привести их к единому знаменателю, если они разобцены? Поэтому глобализм наталкивается, прежде всего, на внутрисоциологические препоны. В частности, мощно его сдерживает своего рода “лингвистический поворот”, при котором в социологии познание социальных явлений и процессов на основе их отображения вытесняется маркированием (обозначением) их, что абсурдно с точки зрения достижения истины, а также способа конструирования социологического объекта, так как из познания вымывается положительное знание и этот объект оказывается “пустым”. Надо сказать, что в постклассической социологии учащаются случаи конструирования “пустых” объектов и оперирования ими. Только один пример: кто объяснит, зачем нужен в социологии предложенный Бурдьё термин “поле политики”, если задолго до него выработан более удобный, точный (с точки зрения политического опыта) и приемлемый термин “сфера политики” (кстати, сам Бурдьё этого толком не объяснил). Термин “поле политики” обозначает “пустой” социологический объект, он есть только символ, которому французский социолог приписывает свой субъективный смысл. Даже если признать, что термин имеет онтологический аспект (согласно Бурдьё, в этом плане политика сводится к определенным позициям в реальном социальном пространстве как пространстве “второго порядка”, которые образуют некое “поле” особых отношений), то все равно вопрос остается: почему познание образует именно “поле”, а не сферу отношений?

Несомненно, здесь скрыты определенные эпистемологические проблемы, затронутые Бурдьё, и их еще надлежит тщательно проанализировать. Их стержень — противоречивая связь между отображением и обозначением в познавательном процессе социологии, вопрос о знании и его подмене, о значении маркеров, о противоречивой необходимости иметь в социологии кроме обычного “природного” языка еще и язык искусственный.

В самом деле, если явление отображается, то познающий субъект получает знание о нем в виде его образа. Тогда содержанием этого знания становятся отображенные свойства явления. Если же оно не отображается, а только обозначается, например символом, то где этот образ и это содержание? Их нет. Тогда о знании явления

не имеет смысла говорить, оно подменяется значением обозначающего символа, которое ему приписывает автор обозначения. Так возникает ситуация отрицания теории познания противопоставлением ей теории обозначения и значения, а также теории конструирования. Ситуация отрицания постепенно захватывает и социологию, в том числе и украинскую, которая весьма слабо изучает и понимает свои эпистемологические проблемы. Понятно, глобализация в социологии не может запросто перешагнуть это противоречие или обойти его, оно должно быть устранено на ее дороге, но когда и каким образом, покажет будущее. Ясно одно: изучая сверхобъект, социология не может опираться на теорию обозначения и значения, не обеспечиваящую позитивного знания об объекте, а только на теорию познания.

Книга “Куда движется глобальная экономика в XXI веке?” П.Ещенко и А.Арсеенко находится в ряду книг, свидетельствующих о формировании нового объекта социологии, именуемого “сверхобъектом”, с которым социология обречена на встречу и установление исследовательско-познавательных контактов. Книга непосредственно посвящена междисциплинарному анализу многомерных и внутренне противоречивых процессов глобального финансово-экономического кризиса в контексте современных трансформаций мировой экономики, теоретическим проблемам, связанным с поиском моделей нового общества. Важный аспект анализа и теоретических выводов авторов, с точки зрения предмета данных размышлений, касается проблемы отношения между экономикой и обществом. По их мнению, несмотря на кризис, глобальная экономика движется к новому качеству, и это требует построения нового общества.

Украине нужна стратегия инновационного развития, покоящегося на преобразованной модели экономики, в которой должна сочетаться комбинация элементов индустриального и информационного типов воспроизводства¹. Но какое устройство общества должно соответствовать такой экономике и процветать благодаря ей? Конечно же, глоболизирующееся общество — как часть формирующегося планетарного сверхобщества, ведь и преобразованная национальная экономика должна стать элементом мирохозяйства и выражать соответствующие его черты.

Представления о сверхобществе как универсальном продукте глобализации зафиксированы в новейшей обществоведческой, в том числе и социологической литературе, да и сам термин “глобализация” более-менее детально проанализирован в контексте прилегающих к нему или контрастных терминов “регионализация”, “локализация”, “интеграция”, “интернационализация”, “национализация” и др. [Цимбал, 2009: с. 4]. Кажется, наиболее обоснованным в этом плане является термин “глобальное сверхобщество”, введенный в научный оборот российским философом, логиком и социологом А.Зиновьевым, который исходил из того, что, по его мнению, после Второй мировой войны случился “великий эволюционный перелом” — переход от “эпохи общества к эпохе сверхобщества” [Зиновьев, 2000: с. 13].

Общество, по Зиновьеву, это “человеиник”, который проходит три эволюционных этапа: дообщество, общество, сверхобщество. Последнее — это такой “человеиник”, который формируется из обществ (то есть существующих “человеиников”) и их материала и в котором возникают организационно-функциональные структуры, превышающие подобного рода образования в обществах, из которых сей “сверхчеловеиник” строится (сверхгосударство, сверхэкономика, сверхкультура, сверхидеология и др.). Зиновьев охарактеризовал два способа сверхобщественного строительства — бывший советский и западноевропейский.

Термин “глобальное сверхобщество” обозначает его всепланетарную масштабность. Наверное, он не может быть более широким, чем термин И.Валлерстайна “мир-система”, если последний интерпретировать однозначно как фиксацию все-

¹ См.: Ещенко П.С., Арсеенко А.Г. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? — К., 2012. — С. 477.

планетарной общественной мир-системы. Тогда будем иметь новый однозначный термин для изображения глобального сверхобщества — “всепланетарная общественная мир-система”.

Несколько терминов для обозначения этого образования находим у Ю.Хабермаса: “мировое общество”, “глобальное общество”, “постнациональное общество”. У.Бек, различая глобализм, глобализацию и глобальность, сконструировал термин “мировое общество без мирового государства и мирового правительства” [Бек, 2001: с. 29].

Глобализации и глобализму противостоит антиглобализм, который не признает формирования мирового сверхобщества по той причине, что государства не отказываются от своих национальных границ, интересов, культур и т.п., не делегируют в мировой центр (например, ООН) свои местные фундаментальные функции, хотя взаимоотношения между собой уплотняют. В этом плане оперируют терминами “сообщество государств”, “сообщество обществ”, “сообщество наций, народов” и др.

Что ж, если планетарное общество не формируется, а формируются мировые или региональные агрегаты (союзы, группы) государств, обществ, наций, народов, то для социологии они все равно являются сверхобъектами, встреча с которыми сулит ей сложные гносеологические трудности. Как изучать эти агрегаты в целом? Ведь социологическая наука до сих пор имела опыт изучения конкретных обществ: американская социология — своего, немецкая — своего, российская — своего и т.д. Сверхобъект выходит за пределы конкретных объектов, то есть обществ, и, по-видимому, нельзя экстраполировать на него ни свойства и особенности локального общества, ни опыт изучения его в рамках какой-либо национальной социологии. Скорее всего, тут нужен опыт всех национальных социологий, но как его объединить — путем обобщения или эклектического смешивания одного с другим? В этом вопросе можно усматривать одну из первых методологических проблем встречи социологии со сверхобъектом, который, несомненно, будет отличаться иным качеством от любого конкретного объекта (общества).

Другая проблема: будет ли рождаться сверхсоциум при формировании сверхобщества и какие сигналы будут свидетельствовать об этом? Другими словами, возможна ли и происходит ли социальная глобализация, которая обеспечит возникновение какого-то сверхсоциального образования? Ведь социум и общество не тождественны, хотя их нередко отождествляют. Общество синтезирует в себе и выражает разные реальности: социальную, экономическую, природную, политическую и др. Оно нечто большее, чем любая из его реальностей. Кроме того, социальное, существующее в конкретном локальном обществе, отличается от социального другого общества. Отсюда следующий вопрос: могут ли соединиться, скажем, украинское социальное качество со шведским социальным качеством, чтобы в результате получился определенный гибрид? Если взять тот же агрегат обществ, то охватит ли их социоцентризм, получат (выработают) ли они единую социальную среду, которая и предстала бы как некое сверхсоциальное образование, возвышающееся над социальными реальностями обществ, из которых сложен агрегат?

В своей работе “Постнациональная констелляция и будущее демократии” (1998) Ю.Хабермас, говоря о том, что нынешние общества, имеющие конституции национальных государств, все больше “открываются” в сторону подготовленного экономикой мирового общества, называет три формы глобализации, которые стали заметными в мировом интеграционном процессе: хозяйственную, информационно-коммуникативную и обменную (рыночную) [Хабермас, 2005: с. 273–279]. Говорить о культурной глобализации, когда нет общего для народов, наций, стран, обществ культурного субстрата, не имеет смысла. Ну, а как быть с социальной глобализацией? В этом вопросе Хабермас решил прислушаться к мнению “евроскептиков”, которые отрицают наличие такой глобализации, поскольку, по их мнению, не выполняются, по крайней мере, три условия ее возможного разворачивания: не су-

ществуем общеевропейского гражданского общества, отсутствует общеевропейский народ, не сформировался общий заказ (интерес) на такого рода глобализацию. Кстати, и в мировом масштабе нет соответствующих условий для социальной глобализации. Их не создает своей деятельностью ООН, являющаяся свободным сообществом государств, но не сообществом граждан мира, из которых мог бы сложиться планетарный народ.

С точки зрения Хабермаса, роль граждан мира, если они появятся, исключительная. Именно они способны за пределами национальных государств создавать демократическим путем общности (например, космополитические партии, независимые сверхорганизации), общественное мнение, культурные образцы, стереотипы сознания, традиции и нормы деятельности и т.п., и все это может положить начало социальной глобализации.

Итак, социальная глобализация не происходит ни в региональном, ни в планетарном общественном пространстве, которого нет, но она возможна, если за границами национальных государств сложится социальная деятельность свободных граждан (мира или региона). Естественно, социология пока не может описывать социальную реальность какого-либо глобального уровня, раз ее нет. Но когда она появится, то для познавательного контакта с ней социологии придется разрабатывать соответствующие понятия и термины. Другими словами, она должна будет интеллектуально возвыситься, чтобы понятийно “схватить” социальную сверхреальность. Несомненно, новые понятия и термины обозначат более высокую ступень структурной организации социологии — мегауровень, который уже формируется, правда, из понятий, отображающих не социум, а общество (“мировое общество”, “мир-система”, “глобальная экономика”, “мировой рынок” и др.).

Нечего и говорить, что понятия мегауровня — не собственно социологические, они совместные, функционируют в других науках (как, кстати, и “старое” понятие “общество”). Через эти понятия социология усваивает знания других наук, обогащается ими, интеллектуально глобализируется.

Что же следует из данных размышлений? На чем следовало бы поставить точку? Наверное, возникает, во-первых, ощущение того факта, что новое качество социологии формируется, хотя надобно признать, что данный процесс находится на начальной стадии, скорее, в зачаточном состоянии. Во-вторых, социологическая наука (в лице своей особой версии — глобальной социологии) переходит непосредственно к изучению общего для многих научных дисциплин сверхобъекта — возникающего глобального общества, в котором, подчеркну еще раз, пока отсутствует сверхсоциальное. Во всех остальных случаях социология пытается описывать глобальные или подобные им процессы и явления с привычной точки зрения локального общества. Ей предстоит немало сделать в отношении познания форм социальной интеграции.

Источники

Барт П. Философия истории как социология / Пер. с нем. М.С.Моделя, 2-е изд. — М.: Книжный дом “Либроком”, 2011.

Бек У. Что такое глобализация? — М.: Прогресс — Традиция, 2001.

Давыдов Ю.Н. Эволюция теоретической социологии XX века // Социологические исследования. — 1995. — № 8. — С. 53–59.

Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. — Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Тавризян Г.М. Рецензия на метод, или метод рецензии // Вопросы философии. — 1990. — № 12. — С. 168.

Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А.В.Денежкина; пер. с нем. Б.М.Куратова. — М.: Праксис, 2005. — С. 273–279.

Цимбал Т.В. Образы социального порядку в современных теориях глобализации: Дис. ... канд. социол. наук. — Київ, 2009.